

УДК 330.14.01:330.341.4 (575.2) (04)

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ КАПИТАЛА ЧЕРЕЗ ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

А.М. Калчакеева – канд. экон. наук, доцент

На основе детального рассмотрения основных вопросов теории капитала автор предпринимает попытку преломления понятия капитала в условиях трансформации экономики. В настоящее время роль финансового капитала в странах бывшего СССР недостаточно определена, что, по мнению автора, требует большего внимания в научных исследованиях.

Ключевые слова: финансовый капитал; денежная экономика; теория Кейнса; концепция Хикса; декапитализация.

Процесс становления и развития рыночной экономики на постсоветском пространстве поставил перед экономической наукой совершенно новую задачу – пересмотреть роль капитала применительно к новым условиям развития [1–2]. Еще Д. Кейнс показал, что капитал на макроуровне как бы расщепляется на свои формы: *деньги* не как средство платежа внутри товарно-денежного оборота фирмы, а как целостная банковская структура, имеющая двухуровневое строение; *капитал* в сфере производства, выступающий в форме долговременных производственных активов, которая выражает его как целостность; *доход*, способный к капитализации и распадающийся в связи с этим на сбережения и потребительский (потребляемый) доход. Вместе с тем обращение к разным видам капитала потребовалось Кейнсу не столько для того, чтобы раскрыть системную природу капитала, сколько затем, чтобы выявить роль денежной формы капитала. С одной стороны, она объединяет капитал в денежном обороте. В нем достигается сбалансированность общественного производства благодаря тому, что выравниваются процент, предельная эффективность инвестиций и норма сбережений в доходе. Изучая капитал как сбалансированную совокупность денежных потоков, Кейнсу удалось выявить макроэкономическое содержание спроса и предложения с учетом факторов ожиданий относительно уровня цен, доходности капитала и стоимости денег. С другой стороны, приведение капитала к денежной структуре экономики (к “денежной экономике”, по Кейнсу) обуславливало демо-

кратический подход к экономике на уровне методологии. Кейнсианская концепция включила в процессы формирования структуры и динамики экономического роста личную инициативу и соединила объективные структуры и институты. Тем самым капитал становился базисом формирования экономической системы, способной к самоорганизации с участием социальной сферы, государства и индивида. Таким образом, Кейнса интересовала денежная форма капитала в аспекте ее структурности, складывающейся в рамках рыночного равновесия макроуровня, и именно поэтому – в аспекте размерности экономики на разных ее уровнях и в разных сферах. Его критик и последователь Дж.Р. Хикс проложил мост к монетарно-монистическому толкованию капитала, сформулировав тезис, согласно которому “капитал” – это “денежный капитал” в том смысле, что представляет собой средства производства, которые можно ссудить; тогда это право распоряжаться данным количеством денег”. По Хиксу, капитал определяется из формулы: доход = потребление + накопление капитала, причем доход и капитал различаются как доход *ex post* и доход *ex ante*¹. Концепция Хикса привела к двум последовательным тавтологиям. Сначала “исчезает” капитал, который как бы растворяется в денежном обороте. Затем “исчезают” деньги, которые “оказываются просто самым совершенным видом ценных бумаг”². Таким образом, макроэко-

¹ Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. – М., 1988. – С. 265, 297, 298.

² Там же. – С. 277.

номическая природа капитала выявляется в виде финансово-денежного сектора экономики, или в виде системы финансово-денежных оборотов, а сам капитал с учетом его нового (по сравнению со временами Маршалла) конкретного содержания становится финансовым капиталом. Правда, заметим, что сам Хикс не употреблял этого понятия. Более того, после Хикса стало почти неприличным употреблять само слово “капитал”, на его место пришли “финансовые активы”. Таким образом, можно со всей очевидностью утверждать, что без Хикса был бы невозможен монетаризм. Тем не менее, при всей значимости его концептуальных положений, три предпосылки заставляют нас подойти к хиксианству критически. Но это делается вовсе не для того чтобы опровергать, а, скорее, чтобы попытаться соотнести его концепции с рыночным равновесием, по Кейнсу, в основе которого лежит взаимодействие самостоятельных функциональных форм капитала, а также с цикличностью кругооборота производительного капитала (пусть понимаемого как потенциальный доход, но имеющего свою сферу вне финансово-денежного сектора экономики). Во-первых, нельзя запросто апеллировать к понятию “финансовый актив”, если не решена проблема капитализации производительного потенциала страны. Производительный капитал еще только складывается, и еще только формируются его связи с финансовым капиталом. Во-вторых, для переходной экономики актуальна проблема системных отношений разных функциональных капиталов. Очевидно, что углубление рыночной трансформации общественного производства не может опираться исключительно на политику “точек роста” в реальном секторе и на политику процентной ставки в финансово-денежном секторе. В первом случае игнорируется целостность общественного производства, во втором – системные связи финансово-денежных рынков со всеми другими рынками. В-третьих, явное наращивание приоритета бюджетной политики также требует исследования системных взаимодействий бюджета и финансового капитала. Не ставит ли такой приоритет страны с переходной экономикой в промежуточную позицию между социализмом и рыночной экономикой, что не может не тормозить рыночную трансформацию?

В переходной экономике вопросы системных свойств капитала наиболее актуальны, чем в традиционной капиталистической экономике, где система рынков создавалась исторически и принимала во многом значение само собой

разумеющихся феноменов развития. Так, Кейнс не интересовал вопрос формирования разных экономических сфер, но его волновали те особенности капитала, которые обуславливали их единство, и прежде всего единство микро- и макроуровней экономики. И именно в этой связи он исследовал взаимную метаморфозу инвестиций (денежной формы капитала) и дохода. Хикс ушел еще дальше от анализа становления рыночной макроэкономики и изучал, скажем так, деньги развитой рыночной экономики, для которых верна формула “деньги, приносящие деньги, есть капитал”. Отсюда нюансы в определении уровня процента как стоимости денег. Для Хикса величина процента определяется стоимостью риска вложений, скорректированной структурой разных видов финансовых активов и их прибыльностью¹. Согласно кейнсианской трактовке, процент равен разнице между предельным доходом и предельными инвестициями, интегрированными по всем видам вложений в производство и тем самым равными инвестиционному спросу, идущему от производительного капитала в целом². В обеих концепциях ставка процента реагирует на инфляцию, но если, по Кейнсу, воздействие повышения уровня цен опосредовано изменением предельной эффективности капитала под влиянием изменения ожидаемой доходности производственных инвестиций, то изменение ставки процента, по Хиксу, определяется состоянием сбалансированности валютного, денежного и фондового рынков.

Можно сказать, что на постсоветском пространстве реформаторы пользуются концепцией Хикса, тогда как оппозиция не ушла от Маршалла. В первом случае программы реформирования ограничиваются формированием финансово-денежного сектора, включая и рынок корпоративных акций. Выход из экономического кризиса рассматривается как производный от финансово-денежной стабильности и повышения на этой основе поступлений денежных средств в производство от внутренних и внешних инвесторов. Во втором случае объектом разработки практических рекомендаций и теоретических суждений является предпринимательство, его условия и факторы, куда вовлекаются и финансово-денежные компоненты. Вне игры оказывается кейнсианство, которое почему-то сводится к теории градуализма (постепенности

¹ Хикс Дж.Р. Указ. соч. – С. 278, 279, 283.

² Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, денег и процента. – М., 1978. – С. 200, 201.

реформирования при сохранении лидирующих позиций государства в экономике). На самом деле, концепция Хикса имеет более частное значение по сравнению с кейнсианством. В ней предметом анализа и практических выводов является бюджетно-денежная сфера, тогда как кейнсианство охватывает всю экономическую систему. Именно системный аспект положен в основу теории рыночного равновесия. Должны были существовать особые причины того, почему именно хиксианство и монетаризм послужили начальной теоретической платформой реформ.

По нашему мнению, теоретическая заброшенность общественного производства не может быть компенсирована учением Маршалла или близкого к нему марксизма. Они находятся в плену микроэкономического подхода к анализу, так как важнейшим их методологическим тезисом является примат производительного капитала в построении всех сфер экономики и даже общества (у К. Маркса). Но Кейнс показал, что макроуровень складывается как надстройка над микроэкономикой, и развивает свои специфические финансово-денежные структуры, тем самым происходит трансформация экономики в *денежную экономику*¹. Приоритет производительного капитала уходит с исторической сцены, но не производительный капитал, который занимает равноправное место в рыночном равновесии макроэкономического типа или, что то же, в рыночном равновесии по Кейнсу. Между тем в хиксианской критике кейнсианства скрыт поиск базисной формы капитала, обладающей системообразующей функцией. В прямой постановке эта проблема не привлекала внимания обоих ученых-экономистов. Другое дело, проблема поддержания рыночного равновесия. Нужно было найти механизмы его воссоздания, а это уже равноценно проблеме становления национального капитала как системы функциональных капиталов. И здесь необходимо сосредоточить максимум внимания, если мы хотим понять тенденции рыночной трансформации на постсоветском пространстве.

Анализируя условия и варианты выхода из равновесия, Кейнс описал две возможности складывания устойчивой ситуации нестабильности, принимающей форму псевдостабильности. Обе уходят корнями в обычный циклический кризис перенакопления, но при этом переходят его рамки. Так, на повышательной инвестицион-

ной волне создается возможность перенакопления и повышения уровня цен. При приближении к границе полной занятости инфляция может оторваться от регулирующего воздействия процентной ставки и перейти в режим “подлинной”, или “истинной” инфляции, когда рост цен не вызывает увеличения спроса, а обуславливает, видимо, через посредство неформальной девальвации внутренней валюты, наращивание стоимости затрат². На пониженной инвестиционной волне цикла может возникнуть ситуация квазистационарности. По Кейнсу, первая, инфляционная нестабильность имеет спонтанные механизмы формирования, тогда как разыграть карту квазистационарности может только государство. Механизм очень простой (заметим, совпадающий с условиями социалистической воспроизводственной модели). Во-первых, динамика инвестиций находится в функциональной зависимости от динамики занятости. Во-вторых, экономика носит застойный характер, в том смысле, что предельная эффективность капитала близка к нулю, а НТП дозирован указанными функциональными рамками – функциональной зависимостью инвестиций от занятости. В-третьих, уровень цен относительно стабилен. Кейнс показал, что квазистационарность чревата переходом в режим экономического спада³. Таким образом, в обоих случаях речь идет о гиперкризисах. Выход из них, по мнению Кейнса, связан с адекватной государственной политикой, которую он определял как “социализацию инвестиций”⁴. Он неоднократно подчеркивал необходимость деликатного поведения государства, так как рыночное равновесие хрупко. Хикс фактически отрицал идею гиперкризисов, полагая, что если абстрагироваться от общей нестабильности мира, то угроза нестабильной цикличности с затяжными периодами спада вытекает из неравномерности средних темпов инноваций⁵. По его мнению, существует в современной экономике имманентный механизм устойчивости, который по смыслу является механизмом сглаживания колебаний как на спаде, так и на подъеме. В результате возрастают экономические функции государства⁶. Такую перспективу он выводит из обособления

² Кейнс Дж.М. Указ. соч. – М., 1978. – С. 184, 378, 379, 385.

³ Там же. – С. 290, 291.

⁴ Там же. – С. 453.

⁵ Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. – М., 1988. – С. 441.

⁶ Там же. – С.440, 441.

¹ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, денег и процента. – М., 1978. – С. 368, 369.

финансово-денежной структуры как сферы макроуровня. В этом пункте он существенно расходится с Кейнсом. Если для последнего формирование финансово-денежной системы как системы макроуровня означает усложнение содержания рыночного равновесия, то для Хикса – это основание для выхода за границы спонтанного развития рыночной экономики и перехода к регулируемому экономическому росту. При этом Хикс важным фактором устойчивости регулируемой экономики считал существование микроэкономики с ее инерционной системой рыночного товарно-денежного равновесия, что делает ее зависимой от равновесия на денежном рынке¹, а значит, управляемой. Освободить рыночное равновесие макроуровня от регулирования по предельной эффективности капитала – значит укоренить финансово-денежные рынки в валютном рынке и рынке государственных ценных бумаг (ГЦБ), предоставив при этом общественное производство самому себе и используя менее агрегированные традиционные (ценовые) механизмы равновесия внутри товарно-денежного оборота. Разве это не та модель, по которой направляется рыночная трансформация во многих странах с переходной экономикой?

Безусловно, очень важно понять: Хикс прав только в том, что указал на существование тенденции к увеличению дистанции между уровнями экономики и что в пространстве этой тенденции возрастает экономическая власть государства. Вместе с тем он как бы проигнорировал два момента из концепции Кейнса. Во-первых, проблему “присутствия” производительного капитала в рыночном равновесии макроуровня. Это – циклообразующая зависимость динамики инвестиций от предельной эффективности капитала. Нам представляется, что решение верное, но не совсем полное. Во-вторых, проблему гиперкризисов двух видов гиперинфляции (истинной инфляции) и квазистационарности.

Существенно, что проблема гиперкризисов не сводится к размаху колебаний, присущих обычному деловому циклу. Это – проблема изменения типа эволюции, в рамках которой развитие совпадает по смыслу со становлением системы функциональных капиталов во главе с финансовым капиталом и осуществляется на принципах рыночной самоорганизации. Государство не может быть не втянутым в этот процесс, его взаимоотношения с рынком сложнее, нежели “наведение денежного контура”, стабилизирую-

щего товарно-денежный оборот. По сути, Кейнс подвел экономическую науку к современному синергетическому направлению исследования становления как самоорганизации, исходя из квантовой природы развития, в соответствии с которой энергетический потенциал эволюции формируется в процессе переходов от порядка к поисковому хаосу и к новому порядку. Такова природа изменения сложных систем, и оно идет по пути их дальнейшего усложнения, сопровождаемого усилением их открытости. Это – нелинейные неравновесные системы, внутри которых складываются множественные варианты развития, происходит их вероятностный отбор, возникают разного типа устойчивые неравновесные и равновесные состояния, заключающие в себе разное качество и превращающие самоорганизацию в последовательность неравновесных фазовых переходов. Кейнс сделал принципиальный шаг в этом направлении, раздвинув уровни экономики и зафиксировав наличие между ними как центробежных, так и центростремительных сил. Хикс внес свой вклад в анализ конкретных механизмов и форм действия центробежных сил. Нам очень важно углубиться в эту проблему, чтобы не только понять содержание системной эволюции социализма в ходе его рыночной трансформации, но также осмыслить ‘внутренние структурные связи рыночной экономики макроэкономического типа и вытекающие из них факторы повторяемости сценария становления за границами переходного этапа.

Базируясь на научных достижениях в области изучения природы сложных систем и наблюдая за практикой реформирования в странах СНГ, можно констатировать, что развитие современной экономики не ограничивается только спектром явлений функционирования общества (социально-политические отношения, история, культура, весь мировой контекст развития цивилизации) в процессе глобальных качественных сдвигов, вроде системной эволюции социализма в рыночную экономику. Это и общий сценарий развития, начиная с момента, когда экономика становится многоуровневой и открытой. Границы между сферами жизнедеятельности общества, между внутренним и внешним его существованиями, внутри экономики (между ее уровнями) формируют как бы разломы, на которых складываются социальные напряженности и накапливаются институциональные, структурные и энергетические потенциалы качественных переходов. При таком подходе просто не возникает вопрос, участво-

¹ Хикс Дж.Р. Указ. соч. – С. 270

вать государству в рыночной экономике или нет (конечно, участвовать, но не государство само по себе определяет то, как участвовать, с какими целями, какими средствами: экономические функции государства вытекают из складывающейся модели развития). Зато остро стоит проблема освоения взаимодействия уровней экономики. Это заставляет нас снова и снова вчитываться в Кейнса, так как он был первым, кто дал концептуальную проработку сложной экономической системы.

Если следовать логике Кейнса, нужно принять как факт существование в качестве узлового расклада сил взаимодействие центробежных и центростремительных экономических связей между макро- и микроуровнями экономики. Центробежные силы выражают экстремальную тенденцию отделения финансово-денежного сектора как макроуровня от реального сектора экономики как микроуровня. При этом происходит как бы редуцирование содержания капитала. Выше мы говорили о том, что капитал, принимая форму финансовых активов, включается в денежный оборот в качестве его практически неспецифицированной части, так как постоянно происходит портфельное выравнивание прибыльности разных активов. Капитал как объект собственности в этом случае ничем не отличается от собственности на деньги. Можно говорить о декапитализации финансово-денежных оборотов макроуровня. Одновременно происходит рационализация, которую Хикс трактовал как очищение финансово-денежного сектора от неопределенности будущего и приведение экономики к прозрачной и рациональной *экономике настоящего*¹. Не менее значимое ее качество – сращивание с государством, или огосударствление макроуровня. Благодаря нему воздействие макроуровня на микроуровень становится насильственным и опирается на политическую волю государства. По Хиксу это – все, но не по Кейнсу. Действительно, Кейнс исходил из того, что макроуровень включает исключительно денежные структуры, по его мнению, рыночная экономика макротипа является *денежной экономикой*. Однако он видел не только обособление уровней, но и их соединение, выводил центростремительные силы из усложнения экономики и формирования ее целостности как единства уровней. Его концепция включала исследование рыночного равновесия не в форме редуцированного оборота “финансовых денег” с моно-

критерием – процентом, а как метаморфозы “деньги – капитал – доход”. Речь шла, таким образом, о многокритериальной метаморфозе и выравнивании величины процента, предельной эффективности капитала и нормы сбережения в доходах. Очень интересно, что в неявном виде Кейнс вводил в условия равновесия использование рынком разной размерности. Деньги имели размерность кругооборота чистого дохода, или затрат труда. Доход исчислялся в единицах заработной платы. Капитал предполагал измерение в “капитальных” единицах, функционально определяемых предельной эффективностью капитала². Все это недостаточно конструктивно, смазано идеей универсального экономического измерения по труду. Однако многокритериальность и трактовка денежного оборота макроуровня как метаморфозы устойчивых функциональных форм капитала принадлежат к самым существенным определениям рыночного равновесия макроуровня. Кейнс аргументировал свою позицию, в частности, ссылкой на разные функции каждого из компонентов равновесия. Если деньги связывают структурные пропорции экономики в единую эффективную систему, направленную на приращение потребления, если уровень дохода – важнейший фактор, от которого зависит стабильность уровня цен, то капитал (в форме долговременных финансовых активов) переносит воздействие будущего на настоящее. Последний тезис конкретизируется в связи с введением понятия мультипликаторов. Внимательное изучение позволяет увидеть, что мультипликатор инвестиций жестко связан с капитальным коэффициентом, причем, как с циклическим параметром экономического роста. Равновесие, по Кейнсу, предполагает равенство мультипликаторов инвестиций и занятости, а это равносильно существованию тенденции капитального коэффициента к единице, а цикла расширенного воспроизводства капитала – к предельной величине, не определяемой автором строго, но жестко связанной с обеспечением тенденции капитального коэффициента к единице. Кейнс приписывает компонентам равновесия конструктивность (сохранение автономности в процессе взаимодействия) в виде особых кругооборотов, имеющих вертикальные структуры, которые объединяют микро- и макроуровень. Практически его концепция содер-

¹ Хикс Дж.Р. Указ. соч. – С. 244, 274, 275.

² Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М., 1978. – С. 150, 168, 210, 282, 283, 341.

жит все признаки таких кругооборотов – указание на специфицированные денежные обороты, особенные единицы измерения и адекватные критерии, свои цикличности или, по крайней мере, свои временные размерности, свои системы субъектов и институты. Все это органически связано с автономией компонентов равновесия по Кейнсу. В той степени, в какой она реализуется через единство уровней, заданное формой кругооборотов, она порождает центростремительные силы. В поле их действия складывается глобальная сложно структурированная инвестиционная система рыночной экономики макротипа. У Кейнса нет развернутого исследования равновесия в аспекте инвестиционной системы экономики. Однако он четко различает разные контуры финансово-денежного оборота: контур оборота капитала, или его финансовой формы – долговременных финансовых активов; контур оборота денег – кратковременных финансовых активов; контур оборота дохода – кратковременных финансовых активов, предназначенных для оплаты труда. При этом, если представить такую их ранжированность, чтобы на первое место по значимости был поставлен оборот капитала, это трансформирует всю совокупность оборотов в инвестиционно-денежную систему экономики. Это означает, что в рыночном равновесии макроуровня как бы зашифро-

вано *новое системное содержание капитала – это инвестиционные финансовые ресурсы, необходимо выступающие в роли материального, организационного и институционального базиса экономики и формирующего в этой связи всю полноту ее сфер и уровней.* У Кейнса отсутствует такой вывод, но даны все предпосылки для него в той степени, в какой формы и механизмы рыночного равновесия имеют содержательность системы инвестирования. По отношению к этой системообразующей роли капитала узкими, частными определениями представляются его специализированные формы – денежный, финансовый, производительный капитал, сбережения, бюджет. Акцент на инвестиционную функцию капитала невольно ставит проблему иерархии форм капитала и обуславливает выделение финансового капитала как его базисной формы по аналогии с тем, как такой базисной ролью в рамках микроэкономики, или классического капитализма, был наделен производительный капитал.

Литература

1. *Кумсков В.И.* Рыночная экономика – вечная экономика. – Бишкек: Илим, 2008.
2. *Маргарет Тэтчер.* Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира / Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2003.